

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

А. Д. Дридзо

ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИЙЦЕВ ТРИНИДАДА
(вторая половина XIX — начало XX в.)

Первая группа законтрактованных рабочих из Индии прибыла на Тринидад 30 мая 1845 г. Корабль «Фатель Розак» доставил в главный город острова — Порт-оф-Спэйн — 212 пассажиров. Ввоз рабочих на Ямайку начался чуть раньше — пароход «Бланделл» вошел в гавань Кингстона 3 мая того же года. На его борту находился 261 пассажир.

По архивным данным, собранным английской исследовательницей Кампстон, в первые годы иммиграции на Тринидад прибыло: в 1845 г. — 225 человек, в 1846 г. — 2456, в 1847 г. — 2077, в 1848 г. — 634 человека. Иммиграция на Ямайку была несколько меньше: в 1845 г. — 261 человек, в 1846 г. — 1851, в 1847 г. — 2438 человек [4, 140, 102].

Но этого было мало для вест-индских колоний. Тринидадские и ямайские плантаторы требовали все новых и новых пополнений. Однако через несколько лет положение изменилось. В 1846 г. британский парламент отменил пошлины на сахар, охранявшие права и прибыли вест-индских плантаторов, и ввел новые, поставившие последних в равное положение с производителями свекловичного сахара, а также с плантаторами других карибских островов, где еще сохранялся рабский труд. Плантаторы Британской Вест-Индии, не выдержав этой конкуренции, начали свертывать производство. Особенно быстро последствия закона 1846 г. сказались на Ямайке, которая уже на следующий год отказалась от дальнейшего ввоза рабочих из Индии. В тяжелом положении оказалась и тринидадская сахарная промышленность. Ввоз индийских рабочих на остров после 1848 г. также был прекращен¹. Возобновился он только в 50-х годах (в 1851 г. — на Тринидад и в 1858 г. — на Ямайку), так как стало ясно, что сахарная промышленность британских колоний не могла существовать без постоянного притока рабочих.

Механизация и иные способы совершенствования производства не прельщали плантаторов, «одурманенных, — как писал Д. Вуд, — мечтой о дешевой рабочей силе» [18, 130], резерв которой по мере усиления колониального гнета в Индии все увеличивался. Кроме этого, значительная часть индийцев, находившихся на Тринидаде, уже заканчивала обусловленные контрактом сроки, и, таким образом, проблема обеспечения плантаций рабочими снова требовала своего разрешения.

В 1851 г. на Тринидад из Калькутты прибыл первый после перерыва корабль с иммигрантами. Их было 173 человека. С тех пор вплоть до 1917 г. ввоз рабочих из Индии не прекращался. За 1851—1859 гг. ввезли 12 037 человек, за 1860—1869 гг. — 20 261. К концу 1869 г. общее число иммигрантов достигло 37 690 [там же, 130—131].

¹ Мы не рассматриваем здесь историю «сахарного кризиса» второй половины 40-х годов, так как она имеет лишь косвенное отношение к нашей теме.

Более наглядное представление о динамике иммиграции на Тринидад дает табл. 1. Характер приведенных в ней данных определил и то обстоятельство, что в этой статье основное место уделено именно Тринидаду.

Т а б л и ц а 1

Данные о иммиграции на Тринидад *

Год	Численность индийцев, че- ловек	Среднегодовой прирост, %	Примечания
1851	3 993	—	Данных нет
1861	13 488	12,94	
1871	27 425	7,35	
1881	48 820	5,94	
1891	70 218	3,70	
1901	86 383	2,10	
1911	110 120	2,46	По другим данным, 110 911

* [14, 131].

Интересно сравнить эти данные с материалами по Ямайке (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Данные о иммиграции на Ямайку *

Год	Численность индийцев, че- ловек	Среднегодовой прирост, %	Примечания
1861	2 262	—	Данных нет
1871	7 793	13,7	
1881	11 016	3,52	
1891	10 805	0,19	
1901	—	—	
1911	17 380	2,41	
1921	18 610	0,68	

* [14, 131].

Весьма показательны и цифры, характеризующие долю индийцев в населении Тринидада (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Доля индийцев-иммигрантов в Тринидаде *

Год	%	Примечания
1851	5,82	У Вуда [18, 158] — 6% и цифра не 3993, как у всех остальных, а 4169
1861	15,97	Вуд указывает, что индийцы становятся крупнейшей группой иммигрантов
1871	25,01	У Вуда — 25,1%, причем 16,5% индийцев отмечены как уроженцы Тринидада
1881	31,82	
1891	35,10	
1901	33,82	
1911	35,42	
1921	35,41	

* [6, 248].

Столь подробных данных по другим островам у нас нет; известно лишь, что там доля индийцев была незначительна.

Иммиграция на Малые Антилы была разрешена только со второй половины 50-х годов. Так, Гренада получила такое разрешение в сентябре 1856 г., Сент Люсия — в ноябре 1858 г., Сент Винсент — в апреле 1860 г., Сент Киттс — в октябре того же года. До 1870 г. туда въехало 6700 индийцев (2759 — на Гренаду, 1943 — на Сент Люсию, 1637 — на Сент Винсент, 361 — на Сент Киттс). Такие незначительные цифры рабочих объяснялись, во-первых, упадком сахарной промышленности на малых островах, во-вторых, высокими накладными расходами.

Примерно тогда же начался ввоз индийцев и в вест-индские колонии других европейских государств: по договорам 1860 г. — во французские и датские, по договору 1870 г. — в голландские [8, 144—145].

* * *

Сев на корабль, индийцы следовали к месту назначения (Порт-оф-Спэйн, если судно шло на Тринидад, или Кингстон, если оно направлялось к берегам Ямайки). Их будущее было еще неясно; для большинства был неизвестен ни характер работы, ни маршрут и т. п. То, что происходило с ними на корабле, в литературе почти не освещено. Известна только одна книга [16], специально касающаяся этого вопроса. К сожалению, ее нет в наших библиотеках.

В порту после выгрузки иммигрантов собирали в «депо», где проверяли документацию, вычеркивая погибших. Затем, по словам одного из местных чиновников, им читали на хиндустани законы, регулирующие их пребывание и работу на острове [7, II, 407]. В это время на пристани собирались плантаторы, сделавшие заранее заявки на индийцев и заплатившие соответствующий налог. Происходило распределение иммигрантов по плантациям, куда их и доставляли. На следующий день индийцы выходили на работу.

При формировании бригад (или команд) администрация руководствовалась правилами, согласно которым родственников следовало направлять в одну и ту же команду. Обеспечить выполнение этих правил должен был, во-первых, иммиграционный аппарат в порту и затем лица, назначенные из индийцев на две должности, положенные для каждой команды (так называемый *headman* — во главе каждых 25 человек и *sirdar* — во главе каждых 50). Пожалуй, для первого термина более всего подойдет русское слово «десятник». Второй же, как нам представляется, точно перевести невозможно; поэтому мы сохраняем его английскую транскрипцию (сирдар). Обозначает он человека, в круг обязанностей которого входило помимо руководства командой еще и посредничество между ней, плантатором и колониальными властями. По-видимому, он был и толмачом. Власть его над командой была абсолютной, особенно потому, что все его подчиненные без исключения не знали английского языка.

В нашем распоряжении нет точного описания рабочего дня на тринидадской плантации, но имеется материал по Британской Гвиане; приводящий его американский исследователь Мортон Класс считает, что существенных и даже несущественных различий между обеими колониями в этом отношении не было [9, 16].

Вставали в 6.15 утра. Старший надсмотрщик (*overseer*) и рядовые надсмотрщики (*drivers*) обходили бараки, будили рабочих (один наблюдатель говорил о применении при этом силы) [там же, 18], всем давали задания, больных направляли в больницу. В 7 часов приходил управляющий, он обходил плантацию, проверяя, как идет работа. Надсмотрщики совершали такие обходы постоянно, в течение всего дня.

Перед началом работы рабочих кормили (пищу готовили женщины еще на рассвете, с 4 часов утра). Дети находились под присмотром одной из женщин, получавшей заработную плату от плантации (10 центов в день).

Все работавшие на плантациях входили в бригады, выполнявшие различные задания. Так, существовали: бригада рубщиков тростника (shovel gang), бригада прополки (weeding gang), строительная и т. п. В каждой из них было от 200 до 1000 человек, и каждую из них возглавлял надсмотрщик — чаще всего негр, индеец, китаец [там же, 16—17]. Как правило, надсмотрщика выбирали в соответствии с национальным составом рабочих; по этому же признаку каждая бригада делилась надвое — на «креольскую» и «бригаду кули»². Можно предполагать, что в роли надсмотрщика над последней выступал сирдар [7, ч. II, 252].

Изложенное выше касалось лишь официального положения дел. Столь же «благополучным» (с внешней стороны) выглядел и вопрос о продолжительности рабочего дня, начинавшегося с 6 часов и завершавшегося к 14 часам [9, 17].

На самом же деле все обстояло гораздо хуже.

Во время сафры работать приходилось столько, сколько укажет хозяин, и только в другое время — с 6 до 9 утра и затем с 10 до 16 часов [18, 112]. При заключении контракта был обещан девятичасовой рабочий день или работа по выполнению определенного задания (task). Фактически же $\frac{9}{10}$ работы приходилось именно на «задания», объем, продолжительность, нормы и оплата которых совершенно бесконтрольно определялись плантатором [9, 18]. Обычно как за рабочий день, так и за задание плата была одна — 25 центов [9, 17; 7, 295]. Однако задание могло растянуться на несколько дней и даже недель, и достаточно было надсмотрщику заявить, что данный человек работал плохо, как это время вообще не оплачивалось. Сделать это было тем легче, что условия задания не объяснялись, плата за него также, никаких расчетных документов надсмотрщик, как правило, не заполнял [9, 18], а рабочие, как уже говорилось, английским языком не владели.

Допустим, однако, что каким-то чудом индеец разобрался в обшчете и стал жаловаться (мы не касаемся сейчас вопроса о жалобах в целом — он будет рассмотрен ниже). Допустим, далее, что разбирательство будет происходить совершенно беспристрастно. Но и в этом случае плантатор сможет доказать свою правоту. Для тринидадцев не было секретом наличие на плантациях двух вариантов прихода-расходных и прочих книг. Один предъявляли для отчета, другой, отражавший действительное положение вещей, хранился у хозяина под замком. Об этом не раз писала местная печать, об этом же заявлял комиссии Сэндерсона (1909 г.) дававший ей показания Элфред Ричардс, председатель Ассоциации трудящихся Тринидада [7, II, 228].

Но приведенные факты приоткрывают завесу лишь над одной стороной жизни индийцев на Тринидаде. А их не только обшчитывали, не только эксплуатировали. С ними обращались не лучше, чем с рабами.

Конечно, представители администрации, люди из плантаторских кругов и нанятые ими «деятели науки», вроде выступавшего перед комиссией Сэндерсона некоего профессора из Ливерпуля [там же, 250 и сл.], не пожалели слов для описания «райской жизни» индийцев на

² Креолами в Вест-Индии называли местных уроженцев-негров. Унизительное прозвище «кули» закрепилось за индийцами с легкой руки колонизаторов.

плантациях. Так, бывший иммиграционный чиновник Уорнер подчеркивал, что плантаторы обращаются с индийцами «очень хорошо». Надсмотрщики и сирдары — «очень хорошие и мягкие люди», вторит ему ливерпульский профессор [там же, 26, 252]. Один автор 70-х годов прошлого века приводит слова управляющего, который якобы не знал ни одного случая, когда надсмотрщик ударил бы кого-нибудь, да и вообще никогда не слыхал о плохом обращении с рабочими на плантациях. Правда, во время сафры, добавляет он, надсмотрщики «должны быть более строги к ним, чтобы они выполнили работу в срок» [11, 15—18].

Эта «строгость» при ближайшем рассмотрении оборачивается грубостью, жестокостью, избиением. Достоянием гласности стал, например, случай, когда надсмотрщики-индийцы и переводчик сначала избили рабочих, а затем втерли в раны соль, причем в числе истязателей оказался... плантационный врач. Большинство преступников вообще не было наказано, а тех, кого уже никак нельзя было оправдать, подвергли штрафу от нескольких шиллингов до нескольких фунтов или аресту от недели до месяца [там же]. Правда, описанный случай происходил не на Тринидаде, а в Британской Гвиане, но условия жизни и труда иммигрантов в обеих колониях были очень схожи.

Обращение к архиву колониального ведомства позволило обнаружить документы, полностью это подтверждающие. Так, уже осенью 1846 г. разразился скандал с владельцем плантации «Клайсдэйл Коттедж Эстэйт» в тринидадском округе Южная Напарима. Этот плантатор с таким упоением предавался «привычке бить и пинать индийцев», что власти сочли за благо вообще убрать иммигрантов из его поместья. Но оказывается, что только за год с начала ввоза рабочих из Индии это был не первый, а уже второй такой случай! Дональд Вуд, выявивший цитированные документы, добавляет, что, несомненно, были и другие случаи жестокого обращения, но они «не привлекали внимания суда» и потому не получили отражения в архиве [18, 115].

Выразительной иллюстрацией к этим словам служит происшествие, свидетелем которого уже в начале XX в. оказался индеец — юрист Фитцпатрик. Избивая индийцев на одной из плантаций, надсмотрщик ударил и подвернувшуюся ему под руку женщину. Женщина оказалась беременной, удар пришелся по животу — произошел выкидыш. Инспектор попытался замять дело, но Фитцпатрик обратился к начальству. О скандале заговорил весь остров. Надсмотрщика и его товарищей привлекли к суду и в избиении индийцев признали невиновными. Но случай с женщиной был вопиющим, и непосредственного виновника приговорили к 2 фунтам штрафа и 3 фунтам компенсации и уволили с плантации...

Как видим, если бы не присутствие Фитцпатрика, и этот случай не стал бы достоянием гласности и виновный не был бы наказан (пусть даже так снисходительно)³.

Обстановку угнетения и эксплуатации, в которой оказались индийцы, можно полнее представить себе, если учесть еще один ее аспект — то, что приходилось терпеть рабочим от своих же соотечественников, оказавшихся на должностях десятников и сирдаров.

Мы не касаемся сейчас только что упомянутых избиений. Речь пойдет об экономической стороне. Сирдары с самого начала стали обманывать и попросту грабить рабочих, находившихся под их началом. Они обсчитывали их, вымогали у них определенный процент заработка. Кроме этого, сирдары выступали в роли ростовщиков, и бывали слу-

³ Все материалы по этому поводу, включая две статьи из тринидадских газет см.: [7, III, 141—145].

чаи, когда попавшему в их сети человеку приходилось отрабатывать долг в течение 10 и даже 15 лет [7, II, 91—92]. Не случайно первые сирдары, вернувшиеся на родину, привезли с собой немалые капиталы. Так, в 1852 г. на корабле, вошедшем в калькуттский порт, оказалось 20 сирдаров, и каждый из них вез домой по 50 ф. ст. Общая же сумма, которой располагали несколько сот вернувшихся с Тринидада пассажи́ров, составила немногим более 3 тыс. фунтов. Таким образом, на долю горсточки сирдаров пришлось одна треть привезенных денег. Однако и это еще не было пределом. Мадрасские сирдары привозили на родину до 1117 фунтов каждый, не считая драгоценностей, одежды и прочего [4, 154—155].

Можно полностью согласиться с мнением губернатора Тринидада лорда Харриса, который кратко, но выразительно характеризовал их как больших мошенников [18, 113]. Лорд не добавил, правда, что эти мошенники были главной опорой британской администрации и потому-то они и могли невозбранно грабить своих соотечественников...

Кратко остановившись на экономическом положении первых групп прибывших на плантации рабочих, на условиях их труда, обратимся теперь к административно-юридической стороне вопроса.

Для того чтобы обеспечить контроль над индийцами, введена была должность специального уполномоченного. Ее в 1846 г. занял майор Джеймс Фэган, бывший офицер англо-индийской армии, владевший языком хинди. Официально он именовался судьей, но функции его были значительно шире. Фэган должен был не только разбирать дела индийцев, но и вообще заниматься «индийской проблемой» на Тринидаде в целом. Он горячо взялся за дело, разработав и введя в действие целый ряд драконовских правил. Некоторые из них подтверждали ранее принятые, но большая их часть появилась впервые. Целью Фэгана было создать такие условия, при которых рабочие должны были отдавать все свои силы и все свое время плантации, исключить или свести до минимума возможность «дезертирства». Для этого вводились пропуска, без предъявления которых ни один индеец не мог находиться за пределами плантации; пропуск следовало предъявлять по первому требованию полицейского. Даже отработав положенные годы, индеец не мог уйти с плантации, пока не получал увольнительного свидетельства, а новый хозяин не имел права принять его на работу без этого документа.

Деяствия Фэгана вызвали критику и слева и справа. Местная радикальная печать, прежде всего газета «Тринидад Стандарт», и особенно лондонские аболиционисты оценивали введение пропусков как «новый рабовладельческий кодекс». Газета «Тринидад Спектэйтор» писала о «наемнике сторонников рабства», который «нарушает права британских подданных» [там же, 119]. Разразился скандал, охвативший не только колонию, но и метрополию.

Министерство колоний, и без того не очень довольное слишком энергичными действиями Фэгана, решило немедленно его дезавуировать, тем более что, как выяснилось, он превысил свои полномочия. Правила, принятые им, не обсуждались в Законодательном совете, они не были оформлены в виде ордонанса (местного закона). Но отставной майор из Индии не посчитался со стоящими выше властями, позволив себе бросить вызов британской бюрократии, да еще поставил правительство под огонь критики. Ему, равно как и губернатору, сурово указали на это. Так начался конфликт Фэгана и с Лондоном и с местной администрацией.

Майор разгорячился. Он перессорился со всеми коллегами, вконец испортил отношения с начальством, много писал в Индию о тяжелом

положении индийцев, которыми управляют без учета его опыта и вопреки его советам. Письма его стали проникать в печать. Особенно рассердило министерство письмо от 11 марта 1848 г., где говорилось о его «преступном пренебрежении к людям» и т. п. Все это опять завершилось скандалом совершенно неприличного с административной точки зрения свойства. Некий индиец, принесший жалобу на то, что ему и его товарищам не платят уже восьмой месяц, был очень неласково встречен помощником колониального секретаря Томасом Джонстоном. Реакция этого деятеля на жалобу была такой, что рабочий бросился к Фэгану, демонстрируя синяки, полученные непосредственно на ступенях губернаторского дворца. Фэган увидел в этом случае удобный предлог для мести колониальным властям. Пользуясь своим положением судьи, он немедленно отдал Джонстона под суд, публично предложил оплатить адвоката, нанятого для индийца, и приговорил одного из самых высокопоставленных чиновников колонии к штрафу в 20 фунтов. «Его поведение вызвало бешенство белых», — пишет Вуд. А публикация Фэганом своей переписки с губернатором по этому поводу привела его в конце концов к увольнению. В 1851 г. строптивого майора отстранили от должности [там же, 114, 131; 4, 153; 8, 141].

В литературе, включая книгу Вуда, укрепилось убеждение, что Фэган выступал в защиту индийцев и что именно здесь и находились корни его конфликта с Порт-оф-Спэйном и Лондоном. Однако знакомство с конкретными его делами заставляет серьезно усомниться в такой оценке. Майор действительно критиковал колониальные власти за неверные, по его мнению, шаги, за непонимание индийской специфики и т. п. Но это была критика с колониалистских позиций, и разногласия были только по поводу методов управления индейцами. Принципиального характера они не носили и носить не могли. Что же касается утверждения, будто индийцы жалели об устранении Фэгана, то стоит только вспомнить о введенной им системе пропусков, и сразу станет ясно, насколько такое утверждение беспочвенно.

Ко времени отставки Фэгана на Тринидаде уже действовало надлежащим образом оформленное «индийское законодательство».

Первый закон, регулирующий пребывание и работу индийцев на Тринидаде (так называемый ордонанс IX, принятый в 1847 г.), был озаглавлен «Поощрение иммиграции в колонию Тринидад и экономической деятельности иммигрантов». Если раньше индиец должен был провести на острове пять лет, но законов, регулирующих его жизнь и труд, не существовало, то по IX ордонансу работа вменялась ему в непременную обязанность. За каждый «нерабочий» месяц индиец должен был платить штраф (5 шиллингов), официально — для оплаты расходов за проезд на Тринидад. Работать надлежало только по письменным контрактам, иначе это время «в стаж» не засчитывалось. Если контракта не было и штраф также не вносился, рабочий подлежал тюремному заключению с использованием на тяжелых работах. Существовало в ордонансе и такое положение, как право индийцев, предупредив хозяина за месяц, прервать работу. Но практически оно не применялось и в более позднем законодательстве уже не фигурировало. Наконец, подтверждалось право индийцев на бесплатный проезд в Индию по истечении срока контракта. Но это право было поставлено в прямую зависимость от пятилетнего рабочего «стажа». Тем, кто хотел бы остаться на острове, взамен бесплатного проезда предлагался участок земли [18, 120; 4, 120].

В ордонансе IX впервые появился термин, надолго затем оставшийся в тринидадском законодательстве. Речь пошла как мы уже говорили, не просто о пребывании индийцев на острове, но о пребыва-

нии экономически полезном (industrial residence). Ниже мы увидим, сколь расширительно истолковывали его в дальнейшем колонизаторы.

И еще важный момент. В рассматриваемом документе впервые нашел отражение некоторый поворот во взглядах администрации на индийцев. До 1847 г. вопрос о закреплении иммигрантов в Вест-Индии не ставился. Теперь же этот вопрос был поставлен. Мы имеем в виду выделение участков тем, кто отказывался от возвращения.

Правда, ордонанс IX появился на свет в не совсем удачное для колонизаторов время. Начался спад, а затем и кризис в сахарной промышленности. Ввоз индийцев прекращался. Плантаторы стремились к одному — выйти из кризиса, и, разумеется, прежде всего за счет рабочих. В 1848 г. зарплата на плантациях упала до 10 пенсов в день, а кое-где рабочим вообще перестали платить. Оказавшись под угрозой санкций, предусмотренных ордонансом IX, индийцы потребовали вмешательства властей (к сожалению, подробности этого эпизода, обнаруженные Вудом в архиве министерства колоний, в литературе почти не получили отражения). Губернатору пришлось отменить положение о санкциях, в частности о пятишиллинговом штрафе. Достигнуто это было, по-видимому, ценой больших усилий со стороны индийцев. Что же касается плантаторов, то они не посчитали ордонанс таким уж для себя обязательным. К весне 1848 г. его положения выполняли лишь немногим более 50% землевладельцев.

В 50-е годы ввоз индийцев на Тринидад возобновился. В начале января 1851 г. губернатор лорд Харрис доносил министру колоний, что в графстве Виктория, где была сосредоточена половина сахарных плантаций, основную часть рабочей силы составляли индийцы (и ввезенные в эти же годы африканцы; однако их иммиграция была незначительна) [18, 125, 127, 132].

Поняв, сколь выгоден для колонизаторов труд индийцев в сахарной промышленности Тринидада, администрация стала их закреплять за плантациями — если не навсегда, то хотя бы на более длительный срок. К тому же еще именно с 1850 г. настало время возвращения на родину самых первых групп иммигрантов. Поэтому уже к 1850 г. Законодательный совет принял решение о вознаграждении в 50 фунтов для тех, кто решит остаться на Тринидаде еще на пять лет после обусловленного контрактом срока. Затем это решение вошло в ордонанс XI (1851). Однако такое добровольное продление срока работы плантаторов не устраивало. Уже в следующие годы Тринидад, Британская Гвиана и Вест-Индский комитет в Лондоне обратились к правительству с просьбой продлить срок работы по контрактам до 10 лет. В 1853 г. такое разрешение было дано, но с поправками — вторые пять лет индеец не обязан был заключать контракт, он мог, отслужив пять лет, вернуться за свой счет на родину; впрочем, и через 10 лет ему надлежало внести плату за проезд. Практика показала, однако, что ликвидация права на бесплатное возвращение препятствует вербовке. В 1854 г. это право было восстановлено для некоторых категорий рабочих, а через 2 года — для всех остальных [там же, 134; 4, 159, 163].

В связи с изменениями в 1850—1852 гг. были изданы пять ордонансов, дополняющих и повторяющих друг друга. В 1854 г. их объединили в один, новый, ордонанс, основные положения которого сводились к следующему. Контракт заключался на три года и подлежал затем продлению. Каждый рабочий, ввезенный позже 1 января 1854 г., получал право бесплатного проезда на родину после «экономически полезного пребывания» в течение 10 лет или компенсацию в размере 7 ф. 5 шилл. 10 пенсов. В рабочее время индеец не мог отлучаться с плантации без специального пропуска [13, 298—304].

Мы потому так подробно останавливаемся на этих ордонансах, что они затем (с незначительными изменениями) регулировали жизнь и работу тринидадских индийцев на протяжении многих десятилетий. Последствия ордонанса 1854 г. и его влияние на иммигрантов нужно, как нам представляется, рассматривать в двух планах. С одной стороны, он (и некоторые дополняющие его постановления) привел к сокращению числа индийцев, возвращавшихся на родину, с другой — к такому ограничению прав индийцев, что положение их можно сравнить с жизнью рабов.

И если, подчеркнем это еще раз, иммиграция все-таки продолжалась, то перед нами отнюдь не подтверждение некоей изначальной покорности или «послушности» индийцев, о которой писали и продолжают писать буржуазные авторы.

Продолжение иммиграции из Индии свидетельствовало лишь о дальнейшем ухудшении положения народных масс этой британской колонии. Индийцы готовы были отслужить несколько лет на тринидадской плантации даже в обстановке, приближающейся к рабству, коль скоро только контракт давал им возможность спастись от голодной смерти. И не о покорности говорит это обстоятельство, а о тех невыносимо тяжелых, бесчеловечных условиях, которые им создали колонизаторы.

В свете всего сказанного следует рассматривать и проблему возвращения первых иммигрантов.

Из 2112 индийцев, привезенных в 1845 и 1846 гг. на Тринидад, решило вернуться около половины. В Индии очень большое внимание общественности привлекли их рассказы о жизни на острове. Так, пассажиры первых же кораблей жаловались на климат, на условия труда, на плохое обращение и на «постоянные преследования с целью обратить в христианство». К маю 1853 г. с Тринидада вернулись еще 1185 индийцев, и только 664 предпочли, получив деньги, остаться на острове. До определенного времени эта тенденция оставалась неизменной. Так, подавляющее большинство индийцев с двух кораблей, пришедших на Тринидад в 1855 г., не имело намерения остаться там по истечении срока контракта.

В общем, по двум островам, получившим до середины 50-х годов основную массу законтрактованных рабочих, положение сложилось такое. На Ямайку было ввезено 4550 человек. Из них до 1854 г. включительно вернулось 1596 (чуть больше 30%). На Тринидад ввезли 5392 человека, из них вернулось 1218 (22,5%) [4, 145, 154, 178]. Процент значительный, но в действительности он должен быть еще выше, если мы примем во внимание большую смертность индийцев на вест-индских плантациях. Так, из 4550 ямайских индийцев «умерло или исчезло» 1806. По другим же данным, число погибших достигло более 3 тысяч! [5, 105]. Подобных цифр по Тринидаду за это время нам найти не удалось, но вряд ли они были намного ниже. Уже в 1847 г. губернатор вынужден был создать два новых временных стационара, так как колониальная больница была переполнена. Вместо 90 пациентов, на которых она была рассчитана, там лежало более 200. «Единственным признаком того, что существовали и другие [больные], были их скелеты, разбросанные по плантациям и по лесам». И в 60-е годы смертность была значительна. В 1865 г., например, умерло 13% прибывших иммигрантов [18, 155, 277].

Но и в Индии вернувшихся ожидали условия не менее тяжелые. Все, от чего стремились они спастись, уезжая на Тринидад, — безработица, нищета — полностью сохранилось. К этому прибавились и другие обстоятельства: значительная часть вернувшихся индийцев теряла ка-

сту из-за переезда через море и могла быть восстановлена в правах только после прохождения очистительных обрядов, требовавших больших денег. Многим из них пришлось покинуть те места, где они жили до отъезда, и переселиться в Калькутту (здесь в трущобном районе возник целый поселок репатриантов). Мудрено ли, что многие из них, оказавшись в безвыходном положении, снова подписывали контракт! Таких людей становилось все больше. Если в 1871 г., например, их было среди ввезенных на Тринидад 5%, то в конце XIX — начале XX в. уже около 30% [там же, 277; 7, II, 181].

При оценке этого обстоятельства (равно как и при оценке того факта, что иммиграция с начала 50-х годов продолжалась без всякого перерыва более полувека) надо иметь в виду следующее. С одной стороны, положение иммигрантов в первые годы после прибытия стало, пожалуй, еще хуже, чем раньше, с другой — появилась реальная перспектива хотя бы после отработки трех (а затем пяти) обязательных лет на плантации получить клочок земли или заняться ремеслом либо мелкой торговлей. Жизнь на Тринидаде тоже была нелегкой, но, во всяком случае, голодная смерть там труженикам все-таки не угрожала.

О системе пропусков, предусмотренных ордонансом 1854 г., уже упоминалось выше. Но именно теперь уместно рассмотреть эту систему во всех деталях. Индеец не только должен был иметь пропуск, отлучаясь с плантации в рабочее время, но, даже отслужив срок, был обязан иметь при себе «свидетельство об экономически полезном пребывании» и предъявлять его по первому требованию суперинтенданта (об этом чиновнике у нас еще пойдет речь), полиции, наконец, любого плантатора. При отсутствии документа его задерживали и предавали суду, где ему и надлежало удостоверить свою личность.

Если кто брал на работу выходца из Индии, не имевшего этого документа, или допускал его на корабль, покидавший Тринидад, то за это такой человек подлежал строжайшей ответственности.

Отсутствие на работе больше 6 дней вызывало вмешательство суперинтенданта, и рабочему надлежало затем отработать соответствующий срок [13, 298; 18, 136; 7, II, 199—200].

Изложив все эти данные, Дональд Вуд делает следующий вывод: «Эти меры отделяли законтрактованного рабочего от остального населения. Он один должен был носить с собой пропуск, и он один становился объектом подозрения, если его видели не за работой, а на дороге или в деревне. Он легко оказывался жертвой придиры-полицейского, которому, может быть, просто хотелось покараться перед толпой креолов. „Эй, раб, где у тебя вольная (free paper)?“ — о таких насмешках негров по отношению к индийцам сообщалось даже в столь позднее время, как 1873 г., когда многие иммигранты стали добросовестными налогоплательщиками» [18, 136].

В этих строках неплохо подмечены некоторые характерные черты «индийской» политики колонизаторов на Тринидаде — прежде всего предельное ущемление прав индийцев и затем противопоставление их неграм. Однако Д. Вуд тем не менее не дает надлежащего представления о тех железных тисках, в которые был зажат каждый индеец, о полном бесправии и беззащитности его перед представителями «закона», перед плантатором, перед колониальной администрацией.

Мы только что упоминали о суперинтенданте — чиновнике, ведавшем «индийскими делами» после увольнения Фэгана. Эта должность теперь не была связана с отправлением правосудия. Задачи суперинтенданта стали значительно уже. Но даже в начале XX в., когда суперинтендант был переименован в протектора (т. е. защитника), весь его аппарат состоял из него самого, заместителя и двух его помощников,

уполномоченных по южной и по центральной части острова, с местопребыванием в Сан-Фернандо и Кува [7, II, 294, 200]. К защите одного из этих четырех чиновников и должен был прибегнуть индеец, если у него возникала такая необходимость.

Но прежде всего до местопребывания протектора или его заместителей надо было добраться. Опрошенный по этому поводу комиссией Сэндерсона протектор заявил буквально следующее: ничего, что далеко, индийцы очень хорошие ходоки, два-три дня пути для них пустяки [там же, 294].

Главное, однако, было в другом. Для того чтобы обратиться к протектору с жалобой, надо было уйти с плантации, а для того чтобы уйти с плантации, надо было получить пропуск, и именно у того хозяина, на которого индеец собирался пожаловаться! Уход же без пропуска автоматически влек за собой арест на неделю и возвращение на плантацию. В самом начале XX в. с плантации «Колониэл Компани» в округе Напарима ушло 50—60 индийских рабочих, направившихся с жалобой к протектору. Их арестовали, посадили на две недели в тюрьму, затем вернули обратно, и плантатор заявил, что жалоба не обоснована. Протектор этим удовлетворился и даже в судебные отчеты никаких упоминаний об указанном эпизоде не включил [там же, 199—200].

Иначе говоря, уход без пропуска считался уже преступлением.

Но даже если каким-то чудом жалобу удавалось принести, то исход был всегда один и тот же. Приезжал протектор или его помощник — инспектор, опрашивал обе стороны, однако, как правило, «показаниям плантатора отдавалось предпочтение»: симпатии протектора всегда на стороне землевладельца. У жалобщика не находилось никаких свидетелей: рабочие боялись показывать против хозяина. Наконец, незнание языка тоже было важным барьером; переводчиками обычно были надсмотрщики или сирдары, а инспекторы даже в начале XX в. лишь немного владели хинди.

Изложенное выше основано на показаниях, данных комиссии Сэндерсона членом Законодательного совета Тринидада Сайрусом Прюдомом Дэвидом — негром по происхождению, участником движения за автономию [там же, 194; 17, 171—172]. Через несколько дней в комиссию был вызван протектор Уильям Хирон Кумбз, прошедший на этом посту 13 лет.

Кумбз явно ставил своей целью ослабить впечатление от сведений Дэвида. Он стремился доказать, что в последнее время благодаря новому закону положение существенно изменилось. Хотя У. Х. Кумбз ни разу не называет этого закона, речь, несомненно, идет об ордонансе 1899 г., вобравшем в себя все предыдущие и определенным образом подведшем итоги за столетие.

Однако обращение непосредственно к указанному ордонансу позволяет прийти к совершенно иным выводам.

Ордонанс от 17 июля 1899 г. представляет собой объемистый том (52 страницы и 276 параграфов). В нем наиболее существенны разделы: первый — о структуре и деятельности иммиграционного департамента; третий — о приеме и распределении иммигрантов; пятый — о жилище; шестой — о пище; седьмой — о больницах; восьмой — о работе иммигрантов и плате за нее. В этом разделе определялись продолжительность рабочего дня (9 часов с получасовым перерывом) и минимальные размеры зарплаты.

Сразу же следует сказать, что постановление это было далеко не первым. О том, как выполнялись предыдущие, нам приходилось уже говорить. Не лучше обстояло дело и в конце XIX в.

В 1892 г. был принят закон, запрещавший предоставлять новых законтрактованных рабочих тому хозяину, у которого 15% занятых на плантации зарабатывают меньше 6 пенсов в день. Однако при проверке в 1895 г. оказалось, что из 69 плантаций, расположенных на острове, только 10 удовлетворяло этому требованию. На плантации Карони, в частности, рабочих, получавших менее 6 пенсов, было 30%, на Вудфорд Лодж и Бриган Касл — 35, на крупнейшей среди них — Сен-Мадлен — 43, а на Ватерлоо — даже 54% [17, 103—104, 107—108]⁴. Не мудрено, что закон 1892 г., практически так и не применявшийся, был вскоре отменен.

Зато система наказаний, изложенная в восьмом или девятом разделах ордонанса 1899 г., проводилась в жизнь неукоснительно.

Состояла она в следующем. За отказ от работы в первый раз — штраф 4 долл. 80 центов или 2 недели ареста, за повторный отказ — штраф 9 долл. 60 центов и месяц ареста. За пьянство, уклонение от работы, плохую работу, «за оскорбление словами и действиями хозяина или назначенных им лиц», а также «намеренное неподчинение» — то же наказание, что и в первом случае. Серьезнее наказывались «угрозы», небрежное обращение или повреждение хозяйского имущества, действия, мешавшие работать другим рабочим, агитация за отказ от работы или бегство — штрафом в 24 долл. или арестом до 2 месяцев.

Девятый раздел специально трактовал вопрос о бегстве с плантации. За нахождение вне ее территории индеец мог быть остановлен без ордера протектором, лицами, им уполномоченными, плантатором или его уполномоченными и при отсутствии пропуска арестован и направлен в суд, который приговаривал мужчину к штрафу в 9 долл. 60 центов; для женщины штраф был вдвое меньше [17, 105].

При этих условиях заявление Кумбза о том, что без ордера полицейский арестовать теперь не имеет права, может вызвать только улыбку. Столь же лишены оснований и заверения его, что уйти с плантации, для того чтобы подать жалобу, можно и без пропуска [7, II, 194].

Во-первых, девятый раздел предусматривал выдачу пропуска лишь тем, кто зарабатывает не менее доллара с четвертью в неделю. Пропуск можно было получить раз в 14 дней (не более чем 26 раз в году или семи дней подряд). Во-вторых, отсутствие на плантации в течение трех дней считалось «дезертирством» и наказывалось штрафом в 24 долл. или двумя месяцами ареста. В-третьих, «рецидивиста» могли наказать и заключением до 3 месяцев [17, 105—106]. В-четвертых, сам же Кумбз отмечал, что если жалобу признают необоснованной, то управляющий может подать на индийца в суд. И, наконец, в-пятых, коллективная жалоба, по его же признанию, автоматически влекла за собой арест [7, II, 294, 408].

Дорисовывают эту картину показания индийца Д. Фитцпатрика, с которыми он выступал после Кумбза. Власти, заявил он, «считаются только с плантаторами... Это мнение всех индийцев». Доказательств же этому более чем достаточно. Плантатора снабжают готовыми бланками, куда нужно вписать только имя «нарушителя». Бланк сам по себе уже служил основанием для ареста. Но арестовать индийца можно и по телефонному звонку. Наконец, плантатор может сделать это и сам. «90% ордонансов предназначено для того, чтобы защищать плантатора», — заключает Фитцпатрик.

Рабочий оказывается беззащитным перед плантатором, «у которого гораздо больше возможностей нарушить закон». Рассчитывать же

⁴ Такое положение оставалось характерным и для начала XX в. [см. 7, II, 119—122].

на протектора не приходится: он далеко, доступ к нему, как мы видим, связан с получением пропуска, за отказ выдать пропуск еще не был наказан ни один плантатор. Посещая поместье, протектор, как правило, даже не встречается с рабочими, да и приезжает он, когда от $\frac{1}{2}$ до $\frac{9}{10}$ их находится в поле. Но даже если встреча происходит, он не спрашивает их, есть ли жалобы. Однако самый убийственный факт произвола колонизаторов состоял в другом: оказывается, даже поданные жалобы никем и никогда не регистрировались [там же, 385—388].

Трудно не согласиться с тринидадским историком Эриком Уильямсом, заметившим, что «протектор для иммигрантов был на самом деле протектором против иммигрантов» [7, 106].

Не случайно, конечно, что число осужденных за нарушение законов все время росло. Если в 1898 г. их было 30% общего количества, то в 1902—1903 гг. — 45%, а в 1905 г. и позже — 46% [7, II, 38, 224, 229, 273].

Э. Уильямс проанализировал данные за несколько последующих лет. Так, в 1909 г. к суду было привлечено 7899 индийцев, из них 1668 (21%) — за «дезертирство», 1466 (18%) — за отсутствие на работе, 1125 — за отказ от работы и т. п. Особо выделим 603 человек, обвиненных в отказе повиноваться хозяину или надсмотрщику, и 52, которые агитировали других прекратить работу или бежать с плантации.

Анализ приговоров приводит к выводу, что наказан был 3541 человек, т. е. примерно половина. Остальных вернули на плантации, где, очевидно, управляющий и надсмотрщики расправились с ними уже без всяких экскурсов в область права [17, 108].

Таким образом, положение индийцев за полвека практически изменилось очень мало. Лишь в 1916 г. после протестов и индийской, и британской, и тринидадской общественности было отменено тюремное заключение за «трудовое нарушение» [2, 39].

Все тяготы полурабского существования неизменно приводили индийцев к борьбе против колонизаторов. Методы ее были различны. Прежде всего укажем бегство с плантации, переходящее затем в то, что в ордонансе называют «бродяжничеством». Бегство, правда, особенно вначале, не приносило индийцам ожидаемого результата. Не зная ни страны, ни языка, они либо попадали в руки полиции, либо гибли от голода и болезней. Нам приходилось уже упоминать о сотнях скелетов, найденных в лесах Тринидада. Помощи беглецам ждать было неоткуда, а найти новую работу было невозможно, так как брать на работу индийца без документов никто не имел права (в первые годы иногда такое случалось, но после издания соответствующих законов плантаторы не решались их нарушать) [18; 115; 7, II, 199].

С появлением первых индийских поселков положение несколько изменилось. Беглецы получили возможность найти там кров и пищу. Один из историков Тринидада сообщает даже о хорошо организованной там сторожевой службе [12, 19].

Возникли также товарищества по снабжению беглецов документами, в частности свидетельством об окончании срока контракта. По видимому, товарищество снабжало беглеца и пищей (разумеется, как и документами, за плату). По миновании надобности свидетельство возвращалось товариществу и затем продавалось другому беглецу [там же].

Эти интереснейшие данные, к сожалению, отличаются краткостью, крайне затрудняющей их анализ. Думается, однако, что в такого рода организациях участвовали и уже появившиеся среди индийцев ростовщики (может быть, те же сирдары).

Другие методы предполагают уже не просто бегство. Мы только

что говорили о немалочисленных случаях открытого отказа от работы, более того — о случаях агитации за это. Иногда индеец отказывался работать с первого же дня, но чаще это происходило не сразу. Наиболее многочисленными были эпизоды, связанные не только с отказом от работы, но и с бегством. Беглеца ловили, водворяли обратно, он снова бежал, его опять ловили, в конце концов сажали в тюрьму, возвращали затем на плантацию, он опять бежал, и так до бесконечности. Таким образом, срок контракта индеец на плантации отбывал, но большую часть этого времени все-таки не работал. Таких рабочих было немало. На плантации Сен-Мадлен, к примеру, в первые годы XX в. они составляли 17% общего состава [17, 110].

Происходили и такие случаи, когда рабочие не бежали, но работать тем не менее отказывались категорически, ссылаясь на обман вербовщика [7, II, 293]. Дальнейшая судьба их не совсем ясна, очевидно, часть заставляли подчиниться, другая же часть так и не сдавалась до конца.

Наконец, в архиве сохранились и документы об отпоре рабочих хозяевам и надсмотрщикам. Так, в первые же годы после прибытия индийцев на Тринидад произошло столкновение на плантации «Каролина». В 1847 г. плантатор, сидевший на лошади, ударил хлыстом рабочего-индийца. Тот схватил лошадь под уздцы. Хозяин, никак не ожидавший этого, в испуге отшатнулся. На помощь ему бросились надсмотрщики. Хотя никто из участников стычки серьезно не пострадал, эпизод получил широкую огласку. О нем, в частности, писал в своем донесении министру колоний губернатор Тринидада Харрис. Любопытно, однако, что тон донесения Харриса был очень миролюбивый. Губернатор явно стремился обосновать случайный характер стычки, подчеркнуть, что со стороны индийца это был просто естественный жест протеста, что он хотел лишь «обратить на себя внимание». По-видимому, такое объяснение имело целью показать, что все на острове благополучно, никаких беспорядков нет, власти находятся на высоте положения. Можно и впредь посылать все новые и новые партии рабочих из Индии.

Но дело обстояло совсем не так просто. «Ощущение, что взбешенная толпа может стащить его с лошади, не просто привело всадника в замешательство. На сахарной плантации лошадь была символом самых высоких ступеней командной иерархии... В 1847 г. ...дернуть коня англичанина за уздечку значило нанести престижу и авторитету всадника удар столь же ужасный, как если бы в наши дни пешеход во время уличной стачки схватился бы за баранку автомашины, — особенно будь пешеход из социальной или расовой группы, которую водитель считает низкой» [18, 116].

Это тонкое замечание Вуда вскрывает второй план эпизода на плантации «Каролина», говорит о беспокойстве, охватившем колониальные власти в связи с ним, беспокойстве, вызванном соприкосновением с силами протеста, накапливавшимися в массе индийских рабочих.

Через 10 лет после этого события в Индии началось народное восстание 1857—1859 гг., причем основной его базой оказались именно те районы, откуда шел поток иммигрантов в Вест-Индию. «Битвы происходили в округах, которые были центрами иммиграции в колонии», — пишет Вуд [там же, 148]. Большую часть бенгальских сипаев составляли раджпуты и брахманы из Аудха и Северо-Западных провинций. И сами военные действия, и их экономические и политические последствия с особой силой сказались на населении именно этих районов.

Отмеченные обстоятельства не могли не вызвать беспокойства колонизаторов и в карибских владениях Англии. Из Порт-оф-Спэйна до-

носили в Лондон, что владельцы многих плантаций «живут как... на вулкане». Этим сообщениям вторила печать. Например, «Порт-оф-Спэйн Газетт» писала 18 января 1860 г., что индийцы представляют собой «чудовище Франкенштейна, которое в один прекрасный день может выйти из-под контроля» [там же, 155]. Предполагалось мобилизовать полицию, а попытка военного министерства заменить тяжело пострадавший от желтой лихорадки 41-й пехотный полк негритянскими солдатами из вест-индского полка вызвала резкие протесты губернатора (очень характерно, что перепуганные восстанием индийцев колонизаторы перестали доверять и неграм).

К сожалению, данных об участниках восстания среди иммигрантов в нашем распоряжении пока нет. Вуд извлек из газет и отчетов 1864 и 1865 гг. сообщения о прибытии среди новых партий законтрактованных также и бывших сипаев. Но вряд ли это были активные участники восстания — они либо погибли в бою, либо были в тюрьме или казнены. С другой стороны, не лишены интереса и предложения некоторых тринидадских плантаторов, опубликованные в сентябрьских и октябрьских газетах 1857 г., о переброске на сахарные плантации острова индийцев, осужденных за участие в восстании [там же].

И все-таки нельзя считать, что народное восстание совершенно никак не повлияло на тринидадских индийцев. По-видимому, Вуд был прав, отмечая именно в связи с этим грандиозным народным выступлением изменившийся характер так называемого Хосейна (мусульманского праздника Мохаррама).

Касаясь этого аспекта, Вуд, в частности, пишет: «В 19 столетии, когда в обоих (в карнавале и Хосейне.— А. Д.) действовали исключительно низшие классы, празднества имели терапевтическое значение. Их бурный характер давал возможность выразить негодование, подавленное на протяжении всего года» [там же, 152].

Иначе говоря, если перевести с колониального жаргона то, что говорит западный автор, власти рассматривали праздник как своего рода громоотвод, помогавший им держать в подчинении и негритянских и индийских трудящихся. Последние же, со своей стороны, неоднократно использовали как карнавал, так и Хосейн для выступлений против колонизаторов.

Характерно, что обстановка во время Хосейнов обострилась именно в период индийского восстания. Уже в 1859 г. произошли беспорядки в Сен Джозефе. На следующий год они повторились, и в этот пункт были направлены полицейские подкрепления [там же].

Довольно скоро в Хосейне стали участвовать индуисты и даже негры. Тем не менее объединенных негритянско-индийских выступлений история Тринидада не знает. Негры и индийцы поднимались против колонизаторов порознь.

Следует особо отметить, что у негритянских трудящихся существовала уже многолетняя традиция антиколониальных выступлений. Правда, в силу ряда причин освободительное движение на некоторых других островах, например на Ямайке, было развито гораздо значительно, но тринидадские негры также активно боролись против поработителей и до и после отмены рабства. Так как не только монографий, но даже и статей на эту тему пока нет, представляется целесообразным уделить ей место, ограничившись, правда, материалами XIX в. Это интересно не только само по себе, но и для выяснения некоторых существенных деталей социального климата тогдашнего Тринидада.

Так, в 1806 г. здесь произошло восстание негров — солдат и рабов. В 1819—1825 гг. по острову прошла волна побегов и выступлений ра-

бов. В лесах Тринидада укрылись многочисленные отряды беглых. Подавить это движение удалось лишь с помощью регулярных войск. В 1837 г. восстал вест-индский полк, сформированный из африканцев, находившихся на невольничьем корабле, который был захвачен британским флотом в открытом море. Поскольку работорговля была запрещена, африканцев «освободили», включив их в английские колонизаторские войска, расквартированные на Тринидаде. Бывшие рабы подняли восстание, требуя возвращения на родину. Восстание это было подавлено. Несколько человек, в том числе вождь его Данга, убиты [1, 593, 634]. Прошло чуть больше 10 лет, и против негров в Порт-оф-Спейне снова были брошены войска (октябрь 1849 г.) [18, 152].

В 80-х годах в связи с кризисом в сахарной промышленности, выход из которого колонизаторы увидели в снижении заработной платы на плантациях, положение вновь обострилось. Недовольство народных масс нашло выход во время карнавала и Хосейна, для участия в которых собрались многие тысячи людей, чтобы хотя бы ненадолго почувствовать себя свободными от надзора хозяев и полиции. Уже в 1881 г. положение обострилось настолько, что стало предметом обсуждения в Законодательном совете. В 1882 г. был принят даже специальный закон, «регулирующий индийские празднества». В 1882—1884 гг. карнавалы проходили в не менее напряженной обстановке.

А во время Хосейна 1884 г. в Сан-Фернандо произошли уже более серьезные события. Еще за несколько лет до этого были приняты меры, чтобы ограничить праздник сельскими районами, не допуская процессию на дороги и тем более в города. В 1884 г. она, однако, двинулась к Сан-Фернандо. Полиция, брошенная против участников празднества, начала стрелять. 12 индийцев было убито, более 100 ранено (несколько человек из них потом умерло).

Власти решили применить оружие (впервые после 1849 г.), потому что почувствовали в праздновании Хосейна социальную опасность. «Хотя,— писал тогдашний губернатор,— эта церемония чисто мусульманская, на самом деле большинство ее участников — индусы, и весь праздник становится своего рода индийской национальной демонстрацией, общей для индуистов и мусульман, и притом довольно бурного характера». Судя по этому документу, особый страх у колонизаторов вызвало и то обстоятельство, что индийцы знали о запрещении идти в город и, следовательно, сознательно это запрещение нарушили. Губернатор писал даже, что никто не в состоянии повлиять на индийцев, что «на острове не существует власти, которая имела бы такое влияние», и сетовал на плохую подготовку чиновников, работающих в аппаратах протектората, и даже у него самого⁵ [7, III, 127; 17, 107—108; ср. 18, 152; 1, 679].

Наконец, очень интересны, хотя и носят беглый характер, упоминания о том, что на плантациях происходили забастовки индийских рабочих, «доведенных,— по свидетельству плантатора .П. Эбла,— до крайности» [7, II, 414].

Как видим, все эти эпизоды происходили изолированно друг от друга, и когда следующий раз против трудящихся было пущено в ход оружие (так называемый «водяной бунт» в Порт-оф-Спейне, 1902), это оказались негры. 16 человек было убито, 43 ранено.

Так или иначе, борьба индийских рабочих на Тринидаде в исследуемое время не достигла высокой степени развития. Причин тут, на наш взгляд, несколько. Назовем прежде всего новую, незнакомую об-

⁵ У Вуда указан почему-то 1885 вместо 1884 г. Есть некоторый разнобой и в цифровых данных.

становку, оторванность от родины. Немаловажную роль играл и крайне низкий уровень политического и общего развития индийцев, отсутствие контактов с негритянскими трудящимися. Во второй половине XIX в. (и несколько позже) важную роль сыграло и то обстоятельство, что крестьянство и рабочий класс острова были многонациональны по своему составу и британским колонизаторам, имевшим большой опыт проведения политики по принципу «разделяй и властвуй», удалось этим воспользоваться.

Очень характерен и еще один аспект колониальной действительности в Тринидаде второй половины XIX — начала XX в. На острове существовал так называемый Законодательный совет при губернаторе. Большинство членов этого совета назначались губернатором, избирали лишь немногих, причем к выборам допускалась только незначительная часть населения. Постепенно среди избирателей и затем среди избираемых членов совета появились первые представители нарождавшейся мулатской и негритянской буржуазии и интеллигенции. Об одном из таких немногочисленных деятелей мы уже упоминали — это Сайрус Приудом Дэвид. Но вплоть до третьего десятилетия XX в. в Законодательном совете не было ни одного индийца [7, II, 25].

Иногда для видимости на заседание Законодательного совета или его комиссий приглашали кого-нибудь из индийцев или рабочих-негров. Делалось это для того, чтобы придать работе административного механизма «демократический» глянец. Один из таких индийцев, некто Джаппи (Juppy), в 1889 г. выступал в таком совете. Однако говорил он на таком диалекте, который трудно было понять, судя по протоколу, даже присутствовавшим на заседании тринидадцам. Однако основное содержание сказанного Джаппи достаточно ясно: он был за введение выборных органов власти, за возможность таким, как он, произнести свое слово при определении судеб страны. К сожалению, никаких подробностей о нем не сообщается. Мы узнаем только, что он бывший законтрактованный рабочий и прожил на Тринидаде 34 года [17, 193], т. е. принадлежал к одной из первых групп, ввезенных после возобновления иммиграции в 50-х годах.

* * *

Анализируя законы, принятые в 60-е годы XIX в., мы должны прежде всего выделить Ордонанс о предоставлении отработавшим срок иммигрантам участков «коронных», т. е. государственных земель в обмен на их отказ от возвращения на родину. Собственно, некоторые из наиболее ранних иммигрантов и до принятия закона занимали пустующие земли (которых на Тринидаде было немало). Но только с вступлением этого закона в силу началось создание индийских деревень и поселков, сыгравшее важнейшую роль как для иммигрантов, так и для всего острова Тринидад.

Сама проблема предоставления (и продажи) пустующих «коронных» земель выходит за рамки нашей темы. Но она довольно подробно рассмотрена Вудом [18, 273—275]. Следует, однако, отметить, что до принятия закона (1868) продажа этих участков была крайне незначительной: в 1847—1856 гг. она достигла лишь 3423 акров, а в 1856—1865 гг. — всего 1895 акров. В законе 1868 г. были предусмотрены снижение цен и другие льготы. В итоге за 1868—1887 гг. площадь проданных (и предоставленных индийцам) участков достигла 71 тыс. акров.

Для индийцев, остающихся на Тринидаде, «коронные» земли выделялись взамен платы за проезд. Каждая семья получала 10 акров

[9, 30—31] ⁶. Однако утверждение этого закона всеми соответствующими инстанциями заняло очень много времени. Известно, что самые первые просьбы такого рода относились еще к августу 1856 г. [13, 332, 288—289], но только в мае 1869 г. губернатор Тринидада Гордон, не дожидаясь одобрения министерства колоний, предоставил 25 индийцам по 10 акров в двух местах близ Кува и Пуант-а-Пьер, где находились соответствующие плантации.

Такое решение сразу же стало известно многим оканчивавшим и уже окончившим срок индийцам. Администрация оказалась буквально засыпанной все новыми и новыми заявлениями. За несколько дней их было получено сорок пять. Выделенные по ним участки находились в районе Монтсеррата и западнее этого пункта. Следующая группа расселилась на прибрежных равнинах в районе Чагуанас.

Сразу же стало ясно, что индийцы предпочитают местности близ плантаций. Обычно после уборки урожая на собственных участках женщины занимались текущими делами в хозяйстве, а мужчины нанимались на плантации, причем работа, которая им поручалась, была наиболее грязной и неквалифицированной (в частности, прополка и т. п.) [7, II, 205].

К концу 1870 г. участки получили 180 индийцев и еще 96 приобрели участки за деньги (в общей сложности 1000 акров) [18, 274—275]. В это время уже 64% индийцев не были связаны с работой по контрактам [3, 130].

Вначале индийские семьи жили хуторами, но продолжалось это недолго. Очень быстро хутора начали объединяться, и уже в самом начале 70-х годов стали создаваться индийские деревни по образцу негритянских (Тортуги и Монтсеррата). Первые из них возникли на окраине Монтсеррата в 1870 г., получив название Калькутта и Кули Таун, затем в 1871 г. по специальным проектам создались еще две — Оропуче Лэгун и Чагуанас. Особо отметим, что проект предусматривал участки также для индуистского и мусульманского кладбищ.

В последующие годы число деревень стало неуклонно расти.

Механизм их образования еще не изучен. Единственной доступной нам работой, в которой этой проблеме уделяется внимание, является книга Мортон Класа. Автор ее, однако, оговаривается, что, во-первых, описанная им деревня фигурирует под «псевдонимом» Эмити. Во-вторых, он констатирует полное отсутствие каких бы то ни было документов, и единственный его источник — это беседы с крестьянами старшего и среднего поколения. Достоверность полученных сведений Класс в ряде случаев подвергает сомнению.

Деревня, о которой идет речь, находилась в графстве Карони. Возникла она, в отличие от некоторых других деревень, после того, как начались продажа и предоставление индийцам «коронных» земель. В памяти жителей сохранилась дата поселения здесь основателя Эмити, фигурирующего у Мортон Клас под псевдонимом Бехарри. Затем стали покупать участки и другие индийцы. Через некоторое время нахлынула вторая волна поселенцев, как правило уже арендовавших землю у односельчан «первого призыва». Это повлияло на рост деревни, на формирование отдельных ее частей.

Расселение Эмити определялось, как считает Класс, расовой и кастовой принадлежностью, местом рождения (в Индии), достатком и занятием крестьянина. К началу XX в. в Эмити было четыре района. В первом из них — Бехарри Роуд — поселились представители высших каст, прежде всего брахманы; большинство их стало владельцами рисовых

⁶ Затем размер участка был снижен до 5 акров.

полей, а также небольших сахарных плантаций (но если рисовыми полями владели все, то плантации имели лишь немногие, остальные их арендовали). Второй район (Касеку) был населен чамарами и дусадху. Ни один брахман здесь никогда не жил. Основное занятие жителей этой части деревни — свиноводство считалось в глазах бехарцев низким. В третьем районе (Джангли Тола) жили баури и макла; последние по кастовому занятию были рыболовы, и здесь также ловили рыбу и крабов. Иногда люди из этого района нанимались на уборку урожая, но сами земледелием не занимались. Наконец, здесь жили и мадраси — выходцы с юга Индии.

Таким образом, во втором и третьем районах сосредоточились индийцы низших и неприкасаемых каст.

Подобного рода расселение характерно для ряда районов Северной и Центральной Индии.

Наконец, четвертый район был населен неграми [9, 29—97].

Вначале дома ставились непосредственно на участках, затем их стали строить вдоль дороги. Если участок данного крестьянина к дороге не выходил, то арендовалась земля у тех, кто ее имел в этом районе.

Индийские деревни быстро стали источником продовольственного снабжения городов и плантаций, тем более что значительная часть выделенных земель не подходила для выращивания сахарного тростника. Уже в 1873 г. Монтсеррат, например, дал 6 тыс. мешков риса, 18 тыс. баррелей кукурузы, 1000 баррелей гороха. Особенно широко распространились посевы риса. Распространение этой культуры на Тринидаде было первостепенным вкладом индийцев в экономику страны.

Правда, еще до этого небольшие рисовые поля существовали в некоторых негритянских поселках. Но обширные орошаемые плантации были созданы только индийцами. Уже в течение 70-х годов они составляли важнейшую часть ландшафта от болот Карони вплоть до окраины Оропуче Лэгун. Ввоз риса на остров (между прочим, именно из Индии) начал сокращаться.

Первый канадский миссионер среди индийцев Тринидада отметил в своем дневнике, что к 1889 г. восточная часть равнины Карони была в основном под рисом; организовались уже компании, поставившие дело на капиталистическую ногу. Индийцам принадлежала теперь только часть земли, и часть была взята ими в аренду. В 1890 г. тот же миссионер еще раз отметил такую существенную деталь пейзажа, как ступенчатые рисовые поля [там же, 31—32].

Наконец, к 1896 г. по всему Тринидаду посевы этой культуры достигли 6 тыс. акров и обеспечивали $\frac{1}{6}$ потребности острова в этом продукте [15, 87].

Перед первой мировой войной распределение культур было уже несколько иное. Из 90 314 акров земли, находившихся во владении индийцев по переписи 1911 г., 62,5% приходилось на какао, 10,7% — на огородные культуры, по 10% с небольшим — на рис, сахар и т. п. [17, 217].

Помимо перечисленных культур индийцы выращивали перец, бегель и т. д. Занимались они и скотоводством, впервые разведя, в частности, зебу, составляющих ныне значительную часть поголовья скота на острове.

Стало расти число молочных и огородных хозяйств, рассчитанных на снабжение городов, и прежде всего Порт-оф-Спэйна; вскоре практически все молочные продукты (очень дорогие в то время) и овощи, потребляемые городским населением, стали поставлять индийские фермеры [7, II, 25, 313].

Поселки поглотили большой процент осевших на Тринидаде иммигрантов. Мы не касаемся сейчас уровня их жизни, хотя проникновение капиталистических компаний в производство риса, необходимость арендовать часть земли, наконец, то обстоятельство, что многим индийцам, даже имевшим собственные участки, пришлось искать дополнительного заработка на плантациях,—все это говорит само за себя.

Однако значение появления на территории Тринидада индийских деревень отнюдь не исчерпывается перечисленными моментами. Их возникновение и развитие знаменовало собой, во-первых, начало классового расслоения среди индийцев острова. Если до принятия закона о бесплатном выделении земель все индийцы принадлежали к рабочему классу, были плантационными рабочими, то теперь все большая и большая часть их становилась крестьянами. Во-вторых, это изменение классовой структуры коснулось не только индийского, но и всего населения Тринидада. Э. Уильямс не вполне прав, связывая появление там «мелких землевладельцев» только с законом 1868 г. [17, 120]. Этот класс существовал на острове даже до отмены рабства и только значительно увеличился после нее. Однако мнение тринидадского автора в определенной степени справедливо. Только после 1868 г. начался бурный рост крестьянства, за короткое время численность его необычайно возросла, причем происходило это в период, когда домонополистический капитализм как раз проходил высшую точку своего развития.

Вуд отмечает, что плантаторы относились к этому процессу в целом положительно, так как поселения индийцев представляли собой резервуар рабочей силы — правда, в определенные месяцы, после уборки риса и после того, как в традиционное время (май — июнь) заканчивались все деревенские свадьбы данного года [18, 275]. Такого же мнения придерживается и Класс, считая, что плантаторам было выгодно использовать индийцев во время сафры и в то же время не содержать их после ее прекращения [9, 22].

С этим утверждением, однако, трудно согласиться. Значительная часть землевладельцев была недовольна необходимостью привлекать все новых и новых иммигрантов взамен отслуживших и расселившихся по деревням. Никакого энтузиазма не встретил у плантаторов и сам факт появления на острове индийских крестьян. Началась борьба против закона. Рост индийских деревень раздражал землевладельцев. В 1878 г. Тринидадская ассоциация плантаторов даже выступила с официальным протестом против организации индийских поселков в Чагуанасе и в районе нижней Карони [12, 19].

Правда, власти не могли сразу и полностью удовлетворить эти требования, но они пошли по линии постепенной ликвидации предоставленных индийцам льгот. Так, уже в 1872 г. была предложена альтернатива — 10 акров или 5 ф. наличными. С 1878 г. уже предлагались 5 акров или 5 ф., с 1881 г. — только 5 ф., а в 1890 г. и эти выдачи были отменены [2, 42—43]. Таким образом, желающим предоставлялась лишь возможность покупать землю, причем по все более возрастающей цене.

В первом десятилетии XX в., когда $\frac{1}{4}$ «коронных земель» еще составляла целина, стоимость 1 акра вместо прежней (1 ф.) поднялась уже до 2 ф. 10 шилл. Колониальный секретарь Тринидада откровенно заявил комиссии Сэндерсона, что это сделано для обеспечения плантаций рабочей силой. По его же подсчетам, чтобы кое-как прокормить небольшую семью, нужно не менее 5 акров, стоимость которых соответственно составляла 12 ф. 10 шилл. [7, II, 274—275]. Неудивительно, что рабочие, окончившие срок на плантациях, были вынуждены снова поступать туда, если хотели обзавестись участком земли, более или

менее соответствовавшим прожиточному минимуму (и это даже при наличии бесплатно полученных 5 акров). Именно так пришлось поступить отцу одного из тех, кто давал показания в комиссии [там же, 313].

Очень показательны в этой связи данные о динамике роста той части рабочих, которые уезжали с острова по окончании срока контракта. Так, если за 1851—1861 гг. вернулось в Индию 15,6% общего числа, то в 1861—1871 гг. лишь 8,8, в 1871—1881 гг.—11,1 а в 1881—1891 гг., на которые падает окончательная ликвидация земельных льгот, уже 20% [7, I, 63—64].

Однако и в начале XX в. плантаторы усиленно пропагандировали и пытались провести в жизнь проект создания деревень не на собственных крестьянских участках, а на арендованной у них земле по контрактам на 5 лет. Глашатаем таких взглядов выступил перед комиссией Сэндерсона член парламента Ламонт, происходивший из семьи, которая владела плантациями на Тринидаде с 1819 г. [7, II, 300, 304—306].

В определенной степени это удалось, и часть иммигрантов, оставшаяся на Тринидаде, поселялась и на таких землях.

Все описанное выше не могло не повлиять, конечно, и на рост городского населения. Порт-оф-Спэйн, Сан-Фернандо и другие города стали интенсивно поглощать бывших плантационных рабочих, не располагавших средствами для покупки земли (а также, возможно, просто связывавших свои дальнейшие планы именно с городом, а не с деревней).

Определенная доля становилась здесь люмпен-пролетариями (колониальный секретарь Тринидада заявил в комиссии Сэндерсона, что в начале XX в. в одной только столице их было 1000 человек) [7, II, 273].

Значительная прослойка делала черную работу. «Это категория людей,—говорится в показаниях,—которые делают то, чего другие не хотят делать» [там же, 183, 312]. В начале XX в. все носильщики на Тринидаде были уже индийцы. В Порт-оф-Спэйне можно было, например, видеть, как прачка идет полоскать белье, а бельевую корзину несет за ней индеец. Продавец дичи тоже не нес своего товара сам, это делал индеец [там же, 283].

Некоторые нанимались в услужение, хотя большинство слуг в Порт-оф-Спэйне было негритянского происхождения, но не местные, а иммигранты с острова Барбадос [там же, 276].

Часть рабочих занималась ремеслом. Первые индийцы-ремесленники обслуживали индийцев же. Одно из самых ранних свидетельств такого рода — сообщение о создании в 1862 г. индийской ювелирной мастерской в Порт-оф-Спэйне, причем в другом городе, Сан-Фернандо, такие мастера уже в это время работали [18, 157].

Довольно рано распространенным занятием индийцев стало выжигание древесного угля, и поэтому снабжение этим топливом, которым пользовалась каждая городская семья, целиком оказалось в их руках [7, A, 313].

Стали появляться индийцы-возчики, положившие начало традиции, характерной для потомков иммигрантов до сих пор; многие из них уже из поколения в поколение — работники транспорта (сначала гужевого, теперь автомобильного).

Промышленности (кроме сахарной) на Тринидаде в XIX в. практически не существовало. Какая-то часть индийцев находила себе работу на больших сахарных заводах, первый из которых возник в 1872 г. Когда началось строительство железных дорог, плантационных и государственных (1876 г.), то основную массу рабочих по прокладке путей

составили индийцы. Много было их и на работе по благоустройству городов, особенно среди дорожников [там же, 93, 157, 158, 313]. Так начали возникать на Тринидаде первые группы индийского рабочего класса.

Постепенно шло и формирование индийской городской и сельской буржуазии. В деревне особенно наглядно этот процесс происходил именно после того, как контингент тех, кто был в состоянии купить землю, сократился.

Сразу покупали землю в основном состоятельные люди. Сравнительно рано были сделаны попытки организовать даже плантационное хозяйство по колониальному образцу. Так, уже в 1874 г. пять лавочников из Сан-Фернандо купили довольно значительных размеров плантацию «Корайэл Эстэй» (260 акров), уплатили за нее 18 тыс. вест-индских долларов, наняли управляющего и обратились к администрации с просьбой предоставить им... законтрактованных рабочих! Вуд, обнаруживший этот документ в архиве министерства колоний, не сообщает, каков был результат ходатайства. Он отмечает лишь, что опасения, как бы значительная часть земли не попала в руки индийцев, были лишены оснований: «В действительности их ресурсы не шли ни в какое сравнение с тем, чем располагали фирмы, поддерживаемые британским капиталом, и для предположений, что этому примеру последовали другие, нет никаких доказательств» [18, 277].

Он, однако, не совсем точен. За следующие несколько десятилетий, по показаниям Дэвида, был зафиксирован случай, когда индеец (бывший законтрактованный рабочий, вероятно сирдар или десятник, по фамилии Будосингх) добился предоставления ему иммигрантов для работы в его имении близ Оропуче Лэгун. Вместе с ними работали и «батраки вест-индцы», т. е. негры [7, II, 200]. Выступая перед комиссией, колониальный секретарь говорил, однако, уже не об одном, а о нескольких таких хозяйствах [там же, 273], а один из плантаторов, некто Питер Эбл, пролил дополнительный свет на эту проблему. Из его слов можно заключить, что от индийцев-плантаторов требовалось скрупулезнейшее выполнение всех без исключения «требований закона», но долгое время у них не было возможности строить больницы, бараки и пр. [там же, 417]. Это не позволило им, как и рассчитывали колонизаторы, конкурировать с плантаторами-англичанами. Во многих таких хозяйствах работало немало индийцев, но не по контракту, а по вольному найму [там же, 276].

Одновременно наблюдался и рост индийской буржуазии, действовавшей вне сельского хозяйства. Уже в 70-е годы XIX в. вся мелкая торговля и какая-то часть более крупной находилась в руках индийцев (и китайцев, но последних на Тринидаде было во много раз меньше). В показаниях комиссии Сэндерсона особо отмечалось, что ни одного негра-лавочника в конце XIX — начале XX в. на острове уже не было. Не менее важен и другой приведенный там же факт: очень многие торговцы занимались также и ростовщичеством [там же, 26].

Можно с уверенностью предположить, что первыми и самыми крупными торговцами стали сирдары и десятники ранних партий иммигрантов, занимавшиеся ростовщичеством еще на плантациях [48, 158, 135].

Именно из этой среды вышли богатые индийские буржуа, появление которых зафиксировано официальной перепиской и газетными материалами уже в 60-е годы XIX в.

Нам приходилось упоминать о первых ювелирах-индийцах, начавших свою деятельность в первые годы указанного десятилетия (хотя есть данные, что золотые украшения из переплавленных монет стали

изготавливать еще в конце 40-х годов). Сам факт существования таких мастеров говорит о наличии более или менее значительного круга заказчиков. В записках первого миссионера, начавшего свою деятельность среди индийцев именно в 60-е годы, встречаем подробное описание украшений, которые носила в конце этого десятилетия жена богатого лавочника: «На каждой руке у нее было 17 серебряных и по одному золотому браслету, в большинстве своем массивные, а два очень тяжелые и прекрасной работы. На шее — тринадцать массивнейших серебряных украшений, некоторые из них размером до трех четвертей дюйма, квадратные спереди и суживающиеся сзади. Добавьте 15 ручных колец и четыре тяжелых кольца в каждом ухе...» [там же, 156—157].

Даже с учетом того, что по индийскому обычаю украшения составляли основной и неприкосновенный капитал семьи,—перед нами семья явно не бедная.

Уже в конце 60-х годов среди индийцев были владельцы крупных магазинов, один из которых мог, например, позволить себе в 1869 г. вояж на пассажирском корабле в Англию, а оттуда — на 6 месяцев в Индию. В 1871 г. подобное путешествие совершили уже четверо. Они везли с собой почти 9 тыс. ф. наличными и золото на крупную сумму [там же, 158]. Наконец, появились и еще более богатые люди, которым оказались по средствам самые дорогие развлечения колониального «высшего круга». Один из них купил двух чистокровных рысаков за 300 гиней и в 1874 г. взял все призы на состязаниях в Куинз Парке. В дальнейшем индийские состоятельные буржуа стали играть заметную роль в «джентльменских развлечениях» Порт-оф-Спэйна [там же 227].

Число таких примеров можно было бы увеличить, что часто и делается в западной литературе, где эти факты используют как доказательство «процветания» тринидадских индийцев. Не менее часто фигурировали и фигурируют данные о банковских вкладах, принадлежащих индийцам. Так, в 1909 г. протектор Кумбз оценил их в 112 тыс. ф. [7, II, 296]. У Эрика Уильямса приведены другие факты. «С 1902 по 1912 г., — пишет он, — число вкладов возросло с 564 до 9973, а в денежном выражении — с 59 725 до 81 403 ф.» [17, 121]. Но, во-первых, если произвести простое арифметическое действие, то мы сразу увидим, как немного приходится в среднем на каждую сберегательную книжку. Во-вторых, в 1902 г. на острове было около 90 тыс. индийцев, а в 1911 г. — более 110 тыс. [14, 131], вклады же имела, как мы видим, совершенно ничтожная их часть. И еще пример: в 1909 г. вкладчиков было 6 тыс., а вклады их составляли 74 тыс. ф. [7, II, 297]. Большинство же тринидадских индийцев составляли крестьяне и рабочие, и уровень их жизни был весьма невысок.

Сведения о появлении первых групп индийской (по происхождению) интеллигенции это положение подтверждают. В числе выступавших перед комиссией Сэндерсона был молодой (27-летний), только что получивший в Англии диплом юриста Фрэнсис Эвелин Мохаммед Хоссейн, сын индийца-мусульманина, родители которого были привезены на остров по контракту в 60-е годы. Он сам говорит о себе как о редком исключении из правила: отец дал возможность ему и другим своим детям учиться. Правда, в миссионерской школе (где Хоссейн получал начальное образование) для привлечения учеников платы за обучение не брали, в государственной же, куда бы затем он перешел, учебно надо было уже оплачивать. Однако к этому времени Хоссейну-старшему удалось выдать дочь за индийца-плантатора, который поручил ему управление своей плантацией. Только благодаря этому он смог оплатить не только среднее, но и высшее образование, полученное сыном [там

же, 311, 314]. В противном случае Фрэнсис Эвелин вряд ли смог бы окончить школу на Тринидаде и университет в Англии.

Если к этому добавить, что грамотных среди индийцев было тогда не более 5—6% [там же, 294], то исключительность приведенного примера станет еще более разительной. Хоссейн это обстоятельство ощущал в полной мере. Не случайно его показания, в общем даже не отмеченные печатью высокомерия по отношению к соотечественникам, тем не менее пестрят фразами о «полном и абсолютном невежестве этих людей» [там же, 312].

Подтверждают нашу мысль и данные опубликованных той же комиссией Сэндерсона показаний О. Уорнера, согласно которым среди индийцев в начале XX в. было уже несколько человек, получивших высшее медицинское и юридическое образование в Англии после окончания Куинз-колледжа на Тринидаде. С. П. Дэвид также упоминает о врачах, юристах, священниках, бухгалтерах и т. п. Однако они все без исключения были уже потомками иммигрантов; ни одного уроженца Индии среди них не было.

Таким образом, к моменту прекращения иммиграции можно констатировать значительную степень классового расслоения среди тринидадских индийцев. Как уже отмечалось выше, большинство их составили крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Немало было уже и городских рабочих, хотя процент занятых сравнительно квалифицированным трудом был невысок. Появилась прослойка ремесленников. Возникла буржуазия, прежде всего торговая — как мелкая, так и средняя и даже крупная. Наконец, можно констатировать и появление первых представителей интеллигенции.

Индийцы, составлявшие в этот период третью часть населения острова, играли уже видную роль во всех отраслях его экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Burns A. The History of British West Indies, London, 1954.
2. «Caribbean Quarterly», vol. 17, № 1, 1971.
3. Carter E. H., Digby G. W., Murray R. N. History of the West Indian Peoples, pt II, London, 1953.
4. Cumpston J. M. Indians Overseas in British Territories. 1834—1854, London, 1955.
5. Deerr N. Indian Labour in the Sugar Industry, — «International Sugar Journal», March 1938.
6. Dey M. K. The Indian Population in Trinidad and Tobago, — «International Journal of Comparative Sociology», vol. III, № 2, 1962.
7. Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Reports on the Committee on Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Presented to Both Houses of Parliament, June 1910, pt I—III, London, 1910.
8. Erickson E. L. The Introduction of East Indian Coolies into British West Indies, — «Journal of Modern History», vol. VI, № 2, 1934.
9. Klass M. East Indians in Trinidad. A Study of Cultural Persistence, New York—London, 1961.
10. Laurence K. O. (ed.), The Trinidad Water Riot of 1903: Reflection of an Eyewitness, — «Caribbean Quarterly», vol. 15, № 4, 1969.
11. Nath D. A History of Indians in British Guiana, London, 1950.
12. Niehoff A. and J. East Indians in the West Indies, Milwaukee, 1960 (Milwaukee Public Museum Publications in Anthropology, № 6).
13. Papers Relating to the West Indian Colonies Presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty, August 1857, London, 1857.
14. Roberts G. W. The Population of Jamaica, Cambridge, 1957.
15. Shepard C. Y. Agricultural Labour in Trinidad, — «Tropical Agriculture», vol. XII, April 1935.
16. Swinton J. and F. Journal of a Voyage with Coolie Emigrants from Calcutta to Trinidad, London, 1859.
17. Williams E. History of the Peoples of Trinidad and Tobago, Port-of-Spain, 1962.
18. Wood D. Trinidad in Transition, New York — London, 1968.